

КНИГИ АННЫ БЕРСЕНЕВОЙ – ИСТОРИИ СИЛЬНЫХ ЧУВСТВ:

ЦИКЛЫ:

I. ЦИКЛ

«Совпадения»

1. Сети Вероники
2. Песчаная роза

II. ЦИКЛ

«Гринева. Капитанские дети»

1. Последняя Ева
2. Возраст третьей любви
3. Неравный брак
4. Ловец мелкого жемчуга
5. Первый, случайный,
единственный

III. ЦИКЛ

«Слабости сильной женщины»

1. Слабости сильной женщины
2. Ревнивая печаль
3. Соблазн частной жизни

IV. ЦИКЛ

«Ермоловы»

1. Яблоки из чужого рая
2. Антистерва
3. Мурка, Маруся Климова

V. ЦИКЛ

«Подруги с Малой Бронной»

1. Уроки зависти
2. Опыт нелюбви
3. Этюды Черни

VI. ЦИКЛ

«Любовный фарфор»

1. Звезда по имени Эстер
2. Красавица некстати
3. Азарт среднего возраста

VII. ЦИКЛ

«Три дочери»

1. Ответный темперамент
2. Игры сердца
3. Французская жена

VIII. ЦИКЛ

«Странная Лиза»

1. Странная Лиза
2. Портрет второй жены

IX. ЦИКЛ

«Стильная жизнь»

1. Стильная жизнь
2. Двое в Барселоне

X. ЦИКЛ

«Женщины да Винчи»

1. Женщины да Винчи
2. Вокзал Виктория
3. Героиня второго плана

XI. ЦИКЛ

о московском поселке художников «Сокол»

1. Австрийские фрукты
2. Кристалл Авроры
3. Коктейльные вечеринки

ОТДЕЛЬНЫЕ РОМАНЫ:

- Гадание при свечах
- Серьезные отношения
- Все страсти мегаполиса
- Женщина из шелкового мира
- Рената Флори
- Глашенька
- Вангелия
- Лучшие годы Риты
- Созвездие Стрельца
- Ангел-хранитель

Часть I

Глава 1

«Я не приду. В моей жизни не так уж много иллюзий — точнее, их нет совсем, — чтобы разрушать последнюю: иллюзию необременительного общения. Извини, но я не приду».

Ирина отправила пост и закурила. Вторая сигарета за вечер, а вечер только начался, а ведь обещала себе, что выкурит не больше пяти. Конечно, опять не сдержит обещания. Впрочем, не стоит переживать. Возможность что-то пообещать себе и выполнить — это ведь и есть одна из тех иллюзий, которых, как она прилюдно утверждает в Живом Журнале, в ее жизни не осталось.

«Irina, мне очень жаль. Поверь, я тоже дорожу иллюзорностью своего существования и не собираюсь ее разрушать. Но почему бы не попробовать войти два раза в одну и ту же реку? Удастся ли нам после вечеринки в реале, разочаровавшись друг в друге, вернуться в нашу общую, в нашу настоящую реальность, снова общаться на тонком уровне, теми особенными прикосновениями — ума, подсознания? — которые только и имеют смысл в той

странной практике, которую мы называем общением? Решай сама. Адрес, время, дату ты знаешь».

Человек под ником Nostг был одним из самых активных в ЖЖ, несмотря на то что считал себя буддистом и, следовательно, не деятелем, а созерцателем. Может, дело было в том, что буддистов в Живом Журнале, по Ирининым наблюдениям, было большинство, то есть у него имелся простор для активности, а может, Nostг немножко врал о себе. Или врал себе, что одно и то же. В Живом Журнале рефлексия, вранье, самолюбование, откровенность и много чего еще были причудливо переплетены и перепутаны. Ирина потому и не любила это столпотворение виртуальных дневников. Даже непонятно, почему Nostг пригласил ее на вечеринку живжурналовских френдов, которую собирался устроить у себя дома. Если бы не надлом, который произошел в ее жизни, она вообще бросила бы это пустое занятие — ежевечернее полоскание то ли грязного, то ли просто придуманного белья в Сети. Но даже такое занятие было все-таки лучше, чем ежевечернее же одиночество, и вслушивание в гудение лифта за стеной, и усилие воли, которое каждое утро необходимо для того, чтобы делать вид, будто их с Игорем жизнь совсем не изменилась.

Ирина стряхнула пепел в ракушку от морского гребешка. Она привезла ее семь лет назад с Майорки, из свадебного путешествия. Тогда ракушка казалась невероятно экзотичной и долго стояла на почетном месте за стеклом книжной полки. Потом, объездив множество красивых и необычных мест, Ирина по-

няла, что ракушка морского гребешка внешней ценностью не обладает. Наверное, то же самое поняла где-то в середине перестройки мама, когда перестала выставлять среди праздничных чашек пестрые пластмассовые стаканчики от импортного йогурта. У каждого поколения свои иллюзии и свой срок от них избавляться.

Правда, Ирина не превратила бы эту ракушку в замызганную пепельницу даже после того, как у нее появились более эффектные сувениры — розовый индийский жемчуг, тайские сапфиры... Они с Игорем много ездили, и он обязательно покупал ей в каждой поездке что-нибудь такое, что являлось бы точным слепком ее впечатлений. Но та поездка на Майорку все равно оставалась главной. Она была началом счастья.

Ирина сделала из ракушки пепельницу полгода назад. Когда поняла, что все это теперь не имеет ни малейшего отношения к действительности. Как Живой Журнал. Ракушка стояла у компьютера, и Ирина стряхивала в нее пепел, когда привычно открывала свой виртуальный дневник и писала в нем что-нибудь, что привлекло бы к ней хоть чье-то внимание. А чему является заменой привычка, это еще по школьной программе известно.

Повернулся в замке ключ, открылась и захлопнулась входная дверь; Ирина вздрогнула. Игорь давно уже не приходил так рано. Она вдруг поняла, что не готова к его появлению.

«И не рада? — мелькнуло в голове. — Не знаю... Привыкла к необременительному общению», — усмехнулась она про себя.

— Привет. Что-нибудь на работе?

Ирина вышла в прихожую, где муж уже снимал плащ.

— Привет. Ничего особенного. — Он пожал плечами. — А что должно быть у меня на работе?

— Не знаю. Просто ты сегодня раньше.

— Я ненадолго. Еще уйду по делам, потом приду как обычно.

Ирина не думала, что возможно такое сочетание обиды, разочарования и облегчения, которое она испытала при этих его словах.

Она вернулась в комнату, села к компьютеру, делая вид, что листает словарь, и при этом прислушиваясь к звукам — сначала в прихожей, потом в спальне. Если бы Игорь прошел на кухню, можно было бы тоже выйти туда, предложить ему поесть. Но Ирине не хотелось идти за ним в спальню. Смотреть, как он открывает шкаф, перебирает вешалки, раздумывая, что надеть? А куда надеть?..

«Разве я сторож мужу моему?» — подумала она.

Самоирония при каждой мысли о нем стала уже такой же привычной, как его поздние возвращения. Самым правильным было бы, конечно, просто подойти и спросить... Хотя что в этом правильного? Спросить: «Дорогой супруг, не завел ли ты любовницу?» Она уже спрашивала его о более подходящих для расспросов вещах — о неприятностях на работе, конкурентах, долгах, кредиторах, тайных недоброжелателях... Он ответил, что у него все в порядке. Долгов нет, конкуренция в пределах нормы, все тайное является явным.

Вопрос о любовнице казался Ирине глупым еще и потому, что она чувствовала: дело в чем-то другом. Она помнила, каким был Игорь в первое, самое счастливое время их брака, и потом, когда их жизнь вошла в ровное русло. В глазах у него горели фонарики, и от этого все время было похоже, что он вот-вот засмеется. Потом, правда, эти фонарики первого чувства погасли, но на третьем и на пятом году их совместной жизни было два случая, когда ей казалось, что у него вот именно начались какие-то романчики на стороне, и казалось потому, что фонарики, пусть совсем маленькие, даже не фонарики, а просто отсветы, и пусть ненадолго, но вспыхивали тогда снова.

Теперь его глаза не были освещены ничем. Просто холодноватые глаза уверенного в себе мужчины. И то, что он не хотел говорить ей, отчего так разительно изменилась в последние полгода их общая жизнь, было поэтому особенно оскорбительным.

Игорь заглянул в комнату через десять минут. На кухню он перед этим так и не зашел, значит, поел на работе. Или где-нибудь еще.

— Не скучай, — сказал он. — Я скоро.

В его голосе не прозвучало при этих словах того ласкового ободрения, которое звучало когда-то, тоже в первые их годы. Они были одновременно и первыми годами его бизнеса, поэтому ему часто приходилось проводить на работе вечера и даже ночи захватывать, и он всегда звонил и говорил, чтобы она не скучала. В его голосе, даже по телефону, как раз и слышалось тогда ласковое ободрение.

Теперь его голос звучал нейтрально. Он просто информировал жену о приблизительном времени своего возвращения. Но Ирина все же посмотрела на него удивленно: в последнее время он и об этом ее не информировал. И тем более все равно ему было, скучает она в его отсутствие или нет.

— Я не скучаю, — улыбнулась она. — Я роман перевожу.

— Успехов.

Вот это было по-настоящему обидно. Успехов! Мог бы и спросить, что за роман, кто хотя бы автор... Раньше спрашивал.

«Да сколько можно! — Ирина окончательно рассердилась на себя. — Раньше, раньше... Еще про детский сад вспомни».

Когда они с Игорем познакомились, то выяснилось, что они ходили в один и тот же детский сад и даже, возможно, в одну и ту же группу. Вернее, не ходили, а ездили однажды летом. Ирина вообще-то была несадовским ребенком, потому что постоянно болела, и в сад ее отправили только однажды, в шесть лет, на оздоровление после бесконечных зимних бронхитов. Это был хороший детский сад Министерства иностранных дел, и лес, в который вывезли детей, был настоящий, сосновый, с пахучим солнечным воздухом, и, что казалось самым важным маме и бабушке, детей там кормили, как рождественских гусей в сказках братьев Гримм. Но Ирине так непривычно и страшно было вдруг оказаться среди множества равнодушных к ней посторонних людей — дети были для нее не детьми, а вот

именно людьми, такими же, как она, это она хорошо запомнила, — что уже через неделю родителям пришлось ее забрать, потому что днем она ничего не ела, а ночи напролет тихо плакала, укрывшись с головой одеялом. И, конечно, она не запомнила никого из тогдашних детсадовских мальчиков. Когда они с Игорем выяснили, что одним из этих мальчиков был он, то долго смеялись. Его, в отличие от Ирины, сдавали в этот детский сад каждое лето, чтобы ребенок не забыл родной язык, проводя весь год в странах Бенилюкса, где его отец был послом.

Воспоминания обо всем этом имели примерно такой же практический смысл, как воспоминания о тех временах, когда Игоря интересовало, какой роман она переводит. Если его это вообще когда-нибудь интересовало; теперь Ирина в этом сомневалась.

Она успела заметить, что, уходя, он надел не костюм, а джинсы и короткую кожаную куртку. Значит, вряд ли идет в ресторан или на какую-нибудь тусовку. Да он и не был любителем тусовок, впрочем, как и Ирина. Правда, причины для такой нелюбви у них с Игорем были разные: она не любила тусовки потому, что являлась природным интровертом, а он, природный экстраверт, считал их чем-то вроде беготни по магазинам, то есть исключительно женским занятием. Но не все ли равно, по каким причинам стали схожими их житейские привычки? Они жили себе и жили, а потом встретились в той точке, в которую каждый пришел сам, по своей доброй воле, и оказалось, что эта точка у них общая. Так это было семь лет и так перестало быть полгода назад.

Зря Ирина об этом подумала. Общая точка, семь лет... В тоненькую щелочку, которую она открыла этими мыслями, сразу же проскользнули воспоминания. Допустим, то, о медовой неделе на Майорке — на целый медовый месяц им тогда просто не хватило денег, — она уже научилась отгонять. Но ведь их было много, разных счастливых недель, и научиться отгонять воспоминания обо всех было невозможно. К тому же каждое из воспоминаний не стояло особняком, как островок, а текло в едином потоке. Он не был бурным, этот поток, но он проходил сквозь душу, и потому никуда от него было не деться.

Ирина захлопнула словарь; взгляд упал на череду картинок на обложке. Картинки тоже вели к ненужным воспоминаниям, потому что словарь был страноведческий и картинки были посвящены Англии, Лондону. В Лондоне Ирина однажды прожила полгода и почти всему, что умела делать в своей профессии, научилась именно за то время. Да и кроме профессии ей было что вспомнить о Лондоне. Но сейчас, как назло, вспомнилось не викторианское очарование его улиц и не стильная их пестрота, а холодная декабрьская ночь в ее полупустой — только кровать, стол и шкаф — комнате. Ночь такая холодная, что и комната, и весь этот прекрасный город были похожи на глыбы льда, маленькую и большую.

Когда Ирина сказала, что не поедет в Лондон, ее научная руководительница лишилась дара речи.

— Ира, вы сошли с ума, — отмерев, выговорила она. — Нет, вы, конечно, шутите.

Ирина только улыбнулась. На полгода в Лондон, одной! А Игорь, а ребенок? Ребенка, конечно, еще нет, но скоро он появится, то есть не появится, а соберется появиться, то есть зачатся, то есть... Как же смешно подыскивать название тому, что чувствуешь в себе как самое ясное, не нуждающееся в словах желание! Просто он будет, их ребенок, вот и все. Потому что они женаты уже год, и весь этот год купаются в тихом озере, полном любви. И пусть кому угодно такое определение — озеро любви — покажется пошлым, а они с Игорем счастливы, и ребенку, который у них обязательно родится, тоже будет хорошо в этом их общем спокойном озере.

Но рассказывать про что-нибудь подобное Генриэте Аркадьевне было, разумеется, ни к чему. Если бы потребовалось нарисовать портрет женщины-профессора, да не просто портрет, а шарж, то можно было бы взять в качестве натурщи именно ее и изобразить в самой что ни на есть реалистической манере. Маленькая, сухонькая, с какими-то растрепанными перьями вместо прически, со страстно горящими глазами, лет пять назад с постоянной сигаретой в зубах, а теперь с такими же постоянными обличениями курильщиков на устах, — она выглядела символом высокой науки. Даже списка научных работ в доказательство не требовалось, хотя этот список был у нее более чем внушительным. И, конечно, такая причина отказа от научной стажировки, как нежелание на полгода расстаться с мужем, должна была показаться ей клинической.

— Я ведь еще и здесь не все изучила, — поспешила объяснить Ирина. — В Иностранке много интересных современных авторов, я могла бы сначала...

— С большинством из этих интересных авторов вы сможете встретиться лично, — отрубил Генриэтта. — В Лондоне. Без всяких «сначала». А с их книгами ознакомиться в Библиотеке Британского музея.

— Ну что я могла на это ответить?

Ирина смеялась, рассказывая вечером мужу, какое лицо было у ее профессорши во время их разговора.

— И что ты ответила?

Игорь смотрел с тем ободряющим вниманием, которое она так любила в его взгляде.

— Что не поеду. Что я еще должна была ответить?

— Ирка, и правда с ума ты сошла! — Внимание сменилось в его глазах изумлением. — Я думал, ты ее дразнила, профессоршу свою. Ты серьезно, что ли?

— Я не хочу от тебя уезжать, — глядя прямо в прекрасные, освещенные светлым огнем мужнины глаза, сказала Ирина. — Полгода — это слишком много.

— Да ты что! — Он отбросил газету и встал с дивана. — Полгода в Лондоне — это слишком мало. Вот поедешь и сама убедишься.

Последнюю фразу Ирина услышала уже только одним ухом, потому что Игорь прижал ее голову к своему плечу. Все это — отбросить газету, встать с дивана, пройти через половину комнаты к креслу, в котором сидела она, поднять ее из этого кресла — заняло у него меньше мгновения.

«Ресничного недолговечней взмаха», — мелькнуло у Ирины в голове тоже очень быстро.

Хотя при чем тут эти стихи? В его движениях была стремительность, а это же совсем другое, чем недолговечность.

— А ребенок? — Она осторожно потерлась носом о его плечо. — Мы же хотели...

— Мы и сейчас хотим. И через полгода не передумаем. Поедешь, поедешь. Кто в доме хозяин?

— Ты.

Ирина подняла на мужа глаза и улыбнулась. Ее улыбка коснулась Игоревых губ, и губы его ласково дрогнули от этого прикосновения.

Через два месяца она улетела в Лондон. И вот теперь сидела в своей комнате в пальто, прятала нос в вязаный шарф и с трудом сдерживала слезы.

Вообще-то Лондон оказался даже лучше, чем она ожидала. И обычные его, всем известные красоты — Вестминстер, Биг-Бен, статуя Питера Пэна в Кенсингтонском парке, — и то, что было известно не всем, как, например, особенности продажи билетов в Ковент-Гарден. Билеты в этот самый знаменитый лондонский театр были обычно проданы на месяц вперед, но в день спектакля в кассе оказывалось еще ровно шестьдесят семь десятифунтовых билетов. Почему именно шестьдесят семь, никто не знал; было что-то очень интимное в этой непонятной подробности лондонской жизни. Очарование, глубокое, глубинное очарование этой жизни Ирина почувствовала именно в то утро, когда взяла шестьдесят второй билет.

И, конечно, холод комнаты, которую она снимала у хозяйки, не имел по сравнению с такими вот подробностями — а их в лондонской жизни постепенно обнаружилось множество — ровно никакого значения. И плакать ей хотелось, конечно, не от холода.

Ей хотелось плакать от одиночества. Прямо как в том летнем детском саду, где она впервые такое одиночество узнала. Только в том детском саду Игорь был за стеной, в мальчишечьей спальне, а здесь его не было.

«Я же его все равно тогда не знала, — подумала Ирина. — Так что его, можно считать, и тогда не было. А потом он появился. И теперь его только пока нету. А через две недели опять будет».

Она наконец почувствовала, что воздух в комнате становится теплее — как будто от ее мыслей о муже. Хотя на самом деле, конечно, просто оттого, что, войдя в комнату, Ирина бросила в щель на радиаторе десятифунтовую монетку. Она всегда бросала монетку сразу же, как только возвращалась вечером домой, и долго сидела потом в пальто, ожидая, когда в комнате станет хоть чуточку теплее. Десяти фунтов было ужасно жаль — джинсовая юбка, которую она купила себе всего за пять фунтов, просто вопияла о глупости расходов на согревание воздуха, — и Ирина несколько раз пыталась обойтись без этого. Но первая такая попытка обошлась ей насморком, а вторая начинающимся бронхитом. Бронхит она с трудом приглушила антибиотиками и больше тщетных попыток не предпринимала.